

Мэн Вань обнаружила, что императрица на самом деле очень умный и старательный человек.

По вечерам во дворце та звала её читать ей вслух, и воспринимала материал всё быстрее и быстрее. Если сначала за один вечер они осиливали половину тома, то теперь успевали прочесть целую книгу. Когда встречались непонятные места, Мэн Вань давала краткие пояснения, и императрица тут же во всём разбиралась.

Было лишь одно дело, в котором императрице стоило проявить усердие — чистописание.

Почерк у неё был в целом ровный, не сказать чтобы совсем безобразный, но совершенно бесформенный. Для сына — в данном случае дочери — Неба такой почерстик, разумеется, годился разве что в корзину.

Мэн Вань не удержалась и сказала пару слов о том, что императрице не мешало бы потренироваться в каллиграфии.

Кто бы мог подумать, что императрица отнесётся к этому спустя рукава. Заявила, будто не хочет тратить на такое время: всё равно указы сочиняет не она, а писать стихи или выводить названия на дощечках-вывесках ей неинтересно, так что никто и не узнает о её дурном почерке.

Самое странное было то, что императрица несла какую-то чушь о грядущих эпохах, в которых, мол, писать от руки больше не понадобится — люди станут пользоваться печатью текста на машинах.

На машинах? Разве слова можно печатать?

Нуаньсян и Чэнь Сян казалось, что после падения в воду нрав императрицы и впрямь стал намного мягче — она больше никогда на них не срывалась.

К тому же она то и дело рассказывала им диковинные истории. Теперь дворцовые служанки очень любили эту женщину-императрицу и уже не боялись её так, как прежде.

Для неё приготовили трапезу, которая не была ни утренней, ни дневной — выражаясь словами самой императрицы, это был бранч.

Когда женщина-императрица только начала выходить на утренние доклады, она, должно быть, делала это из любопытства, ради развлечения и новизны. Но стоило этому чувству улетучиться, как она сочла всё донельзя скучным, перестала появляться на суде и вернулась к своему извечному ремеслу — роли никчёмной и бестолковой правительницы, которая безмятежно ест, пьёт и предаётся праздности.

В этот день императрица проснулась ближе к полудню.

А?!

Нуаньсян до сих пор помнила тот день, когда сбежал кролик, и императрица в страшном гневе приказала перерыть землю на три аршина вглубь, но во что бы то ни стало отыскать беглеца.

Я хочу научиться ездить верхом и стрелять из лука.

Услышав призыв подать еду, они тут же чинно зашагали вперёд с сундучками-подносами.

Сюань Цзинчжи прижимала к груди подушку, и как ни кричали они, как ни тянули её, наотрез отказывалась разжимать руки, открывать глаза, подниматься и вставать с постели.

Была лишь одна беда: Ваше Величество обожала поспать, спала ещё дольше и крепче, чем раньше!

Каждый день императрица не вставала раньше, чем солнце поднималось на два шеста.

Даже утренние доклады были заброшены.

Чэнь Сян не понимала, с чего это вдруг императрице понадобилось всему этому учиться. Неужели очередная блажь?

Чэнь Сян.

Услышав зов, Чэнь Сян тут же подошла:

— Ваше Величество?

Вскоре во дворце и за его пределами все только и знали, что ленивая и любящая поспать императрица из-за какого-то кролика перевернула всё вверх дном.

Сюань Цзинчжи доела бранч и не стала, как бывало раньше, отправляться в Императорский сад возиться с цветочками и травой, срезать бутоны, ловить рыбу удочкой или выпускать кролика, чтобы гоняться за ним.

Поднявшись, она по привычке размяла поясницу, покрутила руками, проделала пару странных движений и велела подавать еду.

На Императорской кухне все уже знали, что эта женщина-императрица страсть как любит поспать.

— Ваше Величество, Ваше Величество, пора вставать.

Министры уже привыкли, что женщина-императрица не является на утренние доклады.

— Слушаю, Ваше Величество. Должно быть, это командующий Императорской стражей, Ван Чжань.

— Передай мой указ: пусть явится пред мои очи. Я хочу сделать его своим наставником и обучаться у него.

— Слушаюсь. — Чэнь Сян приняла приказание и вышла, думая про себя: неужели Ваше Величество вознамерилась учиться стрельбе из лука? И впрямь — что ни день, то новая причуда.

Во Дворце Фэнъи Сяо Жун с подносом в руках неотступно следовала за Императрицей.

Сяо Юэли подрезала ветки того самого куста бегонии и рассеянно слушала слова Сяо Фу.

— Госпожа, императрица опять подняла бучу, требует научить её верховой езде и стрельбе из лука. Рабыня слышала от сестрицы Нуаньсян, что в первый же день руки у императрицы так заболели, что она их поднять не могла. Даже просила сестрицу Нуаньсян растереть их, а на следующий день императрица снова пошла.

— Госпожа, скажите, чего ради императрице, изнеженной и избалованной женщине, заниматься такими вещами?

— Госпожа, а сестрица Нуаньсян ещё говорила, что императрица собирается осенью на охоту.
— Сяо Жун надула губы. — И что за манеры у нашей императрицы, почему она не заглянет к нам во дворец?

Сяо Юэли молчала всё это время, лишь молча подрезая ветки. Услышав вздох Сяо Жун, она улыбнулась:

— Соскучилась по императрице?

Сяо Фу была женщиной, но будь она мужчиной, подобные слова несли бы в себе скрытый намёк на желание приблизить её к своим покоям.

Сяо Фу затопала ногами от досады:

— Госпожа, вы опять надо мной смеетесь!

Сяо Юэли произнесла:

— Императрица — женщина, а вовсе не смазливый молодой господин, с чего тебе так по ней тосковать?

— Госпожа, вы не знаете, наша императрица так мастерски рассказывает истории! У неё в запасе столько диковинных сказок, она рассказывает лучше любого сказителя на улице.

— Вот как? — Сяо Юэли слабо улыбнулась. — И какие же истории она рассказывала?

— Золушка. — Сяо Фу очистила горло и начала: — Жила-была в некоем царстве девушка по имени Синдрелла...

Вжух!

Стрела сорвалась с тетивы и улетела вдаль. Наконечник блеснул на солнце холодным светом и вонзился в мишень.

Сюань Цзинчжи окинула её взглядом: с таким уровнем попадания она набирала от силы очков пять-шесть.

— Ваше Величество, вы уже столько времени тренируетесь, пожалуй, на сегодня стоит закончить.

Командующий Императорской стражей Ван Чжань был рослым военачальником с темно-бронзовой кожей. Рядом с изящной Сюань Цзинчжи он казался настоящей чёрной железной башней.

— Генерал Ван, если дело пойдёт так и дальше, когда я смогу, подобно вам, попадать стрелой точно в яблочко?

Ван Чжань ответил:

— Ваше Величество одарена от природы, и если будете усердно тренироваться, то не пройдет и полугода, как ваше искусство стрельбы станет непревзойдённым.

— А если... если я буду стрелять верхом на лошади, на скаку?

Верховая стрельба?

Ван Чжань изумился:

— Ваше Величество?

Заметив это, Сюань Цзинчжи легко улыбнулась:

— На охоте ведь дичь не стоит на месте, поджидая, пока ты в неё выстрелишь.

Лицо Ван Чжаня разгладилось: оказывается, Ваше Величество по-прежнему грезит осенней большой охотой. Ему на мимолетное мгновение показалось по её выражению лица, будто она собралась вести войска в настоящий поход.

Он только успел перевести дух, как Сюань Цзинчжи добавила:

— Одной стрелять скучно. Генерал Ван, со завтрашнего дня учи меня владеть мечом, будет куда интереснее, если кто-то станет сражаться со мной в спарринге.

Ван Чжань: [...]

Ваше Величество снова вздумала учиться владеть мечом?!

Сюань Цзинчжи провела на солнце добрую половину дня, и когда вернулась во дворец, от неё за версту разил пот.

Едва переступив порог, она тут же потребовала ванну.

Стоит признать, прежняя хозяйка тела прекрасно знала толк в наслаждениях: позади дворца Чэньюань она велела выкопать большой бассейн, возле которого круглые сутки подогревалась вода, так что искупаться можно было в любой момент.

Во время купания Сюань Цзинчжи не выносила никого рядом — даже Нуаньсян и Чэнь Сян дежурили за ширмой.

— Ваше Величество. — Когда все удалились, Чэнь Сян передала Сюань Цзинчжи свёрнутый лист бумаги.

Сюань Цзинчжи развернула его, бегло просмотрела, улыбнулась уголками рта, аккуратно сложила бумажку обратно и вернула Чэнь Сян:

— Передай Лю Цили, что он справился отлично. Я это запомнила.

— Слушаюсь. — Чэнь Сян подошла ближе, поднесла записку к язычку свечи, сожгла её дотла, а затем привычно собрала пепел, не оставив и следа.

— Зови Нуаньсян, я сегодня буду мыть голову.

Мягкие пальцы принялись массировать кожу головы — не слишком слабо и не слишком сильно, до чего же это было приятно.

Сюань Цзинчжи прищурилась, расслабив всё тело, и подумала: пропало! От простого к роскошному привыкнуть легко, а вот от роскошного к простому — сущая мука!

Она уже привыкла, что за ней ухаживают. Если в один прекрасный день некому будет мыть ей голову, как она справится со своими волосами длиной до пояса? Даже думать об этом не хотелось!

Ни за что.

Она обязана добросовестно исполнять роль императрицы.

И беречь свою счастливую жизнь, где еда сама плывёт в рот, одежда надевается по мановению руки, да ещё и голову кто-то моет.

После купания Сюань Цзинчжи выглядела словно только что поднявшийся из воды лотос — яркая, очаровательная и донельзя трогательная.

Уловив приятный запах травяного мыла, она, не дожидаясь, пока Нуаньсян набросит на неё верхнюю одежду, поспешила завалиться на свою роскошную постель.

— Зачем натягивать это всё? Всё равно потом снимать, спать пора.

— Ваше Величество, так нельзя. — Нуаньсян в испуге удержала её.

— Почему? — Сюань Цзинчжи замерла, но тут же сообразила: — Ах да, я же ещё не занималась, спать рано.

Она обвела комнату взглядом, но фигуры Мэн Вань нигде не было видно, и усмехнулась:

— А где мой маленький учитель? Неужели у неё тоже бывает день опозданий?

Маленький учитель — так она прозвала Мэн Вань, считая, что та всегда держится слишком чопорно, во всём соблюдает правила и чертовски похожа на старого книжника из феодальных

времён.

Но раз уж та была прелестной юной девушкой, называть её старой никак не годилось, так что она окрестила её маленьким учителем.

Нуаньсян ответила:

— Госпожа Мэн уже приходила, но рабыня попросила её вернуться назад.

Сюань Цзинчжи удивилась:

— Ты прогнала моего преподавателя? С какой стати?

Нуаньсян объяснила:

— Ваше Величество, таковы установления предков: пятнадцатого и шестнадцатого числа каждого месяца Ваше Величество обязана проводить ночь во Дворце Фэнъи у Императрицы.

Услышав это, Сюань Цзинчжи мгновенно залилась краской.

Она ведь не мужчина, ей вовсе не обязательно стараться вместе с императрицей ради продолжения рода и продления династии.

Я не пойду.

Нуаньсян возразила:

— Ваше Величество, это закон предков. К тому же, Ваше Величество — женщина, и Императрица — женщина, вам совершенно не о чем беспокоиться.

Видя, что Сюань Цзинчжи колеблется и упрямится, она добавила:

— Ваше Величество, если вы не явитесь, это поставит Императрицу в неловкое положение. По имени она ваша законная супруга, и если вы даже в эти дни будете пренебрегать визитами, летописец непременно запишет в хроники, что императрица холодна к императрице, а в их союзе нет согласия.

Летописец Чэн Сянчжи... при одном упоминании этого имени у Сюань Цзинчжи начинала болеть голова.

Ну ладно, пойду. Пойду и всё тут.

Будем считать, что просто ночью в другом месте, — утешала себя Сюань Цзинчжи, а потом, будто что-то вспомнив, внезапно поинтересовалась: — Скажи, я храплю? Зубами скриплю?

У неё за собой такого водилось сроду, но вот хрипела ли эта оболочка или скрипела зубами по ночам, она понятия не имела.

Нуаньсян слегка улыбнулась краешками губ:

— Ни храпа, ни скрежета. Ваше Величество спит очень тихо.

Примечания переводчика:

Примечания автора:

Сюань Цзинчжи: Иду к императрице встречать сочельник, ай-яй-яй, как волнительно~~~

Большое спасибо маленьким ангелам, которые жертвовали мне монеты или поливали питательной жидкостью в период с 2021-12-23 20:05:15 по 2021-12-24 19:10:09!

Спасибо ангелам, поливавшим питательной жидкостью: Капуста кале — 12 флаконов; Люблю только книги, Молочный чай с таро и шариками тапиоки — 10 флаконов; CharDor — 5 флаконов.

Большое спасибо всем за поддержку, я буду продолжать стараться!

<http://bllate.org/book/21821/2259208>